

СЮЖЕТ И МЕТОДЫ ЕГО ОПИСАНИЯ

УДК 821

Ю. В. Шатин, И. В. Силантьев

Новосибирск, Россия

СЮЖЕТОЛОГИЯ И СЮЖЕТОГРАФИЯ КАК БАЗОВЫЕ ОСНОВАНИЯ НАРРАТОЛОГИИ

Рассматриваются два взаимосвязанных подхода к изучению литературного повествования – сюжетология и сюжетография. Отмечается важность данных подходов для современной нарратологии.

Ключевые слова: литература, повествование, сюжетология, сюжетография, нарратология.

Сюжетологию можно определить как подход, направленный на изучение сюжета как способа повествования, его элементарной структуры и функций в системе фольклорного и литературного произведения. Сюжетография, по аналогии с лексикографией, может трактоваться как подход, направленный на фиксацию и систематизацию устойчивых единиц сюжетного повествования в фольклоре и литературе, в первую очередь мотивов и сюжетов.

История изучения сюжетов – это история постепенной денатурализации и отказа от эмпирического удвоения сюжета как фактора текстовой реализации и как фактора филологической фиксации. Если до конца XIX в. сюжет делится на крупные фрагменты, повторяющиеся в любом эпическом и драматическом тексте: экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация и развязка, то уже у А. Н. Веселовского возникает необходимость выделения более мелких и более специальных единиц – мотивов.

Определив мотив как «простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения», Веселовский отграничил вопрос о мотивах от принципов сюжетостроения. «Простейшие мотивы... могли самозарождаться, серии мотивов = сюжеты возбуждают, при их сходстве, вопрос о заимствовании с той или иной стороны» [1, с. 500,

Шатин Юрий Васильевич – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090; shatin08@rambler.ru; +7 (383) 330 47 72)

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090; silantev@philology.nsc.ru; +7 (383) 330 47 72)

Сюжетология и сюжетография. 2013. № 1. С. 3–6
© Ю. В. Шатин, И. В. Силантьев, 2013

502]. Таким образом, можно говорить о двух интенциях мотивов – простейших (архетипических) с установкой на познание и объяснение и более сложных с установкой на занимательность, усиливающей личное изобразительное начало. Указанные группы различаются как в плане парадигматики, так и в синтагматическом отношении. Простейшие мотивы ограничиваются некоторым конечным состоянием и, следовательно, исчислимы. Вторые стремятся к бесконечности, хотя и не достигают ее. Вместе с тем комбинаторика простейших мотивов строго упорядочена и подчинена однотипным схемам, тогда как изобретенные мотивы требуют все более изощренной синтагматики, характерной прежде всего для литературы XX–XXI вв. Из сказанного можно сделать вывод, что современное толкование наследия Веселовского имеет большие перспективы для нарратологической теории.

Значительный интерес представляет понимание связи мотива и сюжета, сформулированное в 1920-е гг. Б. В. Томашевским, который понимал под мотивом «тематически более неразложимый элемент». Эта интерпретация позволила исследователю разделить мотивы на две группы (связные и свободные) и показать тем самым взаимосвязь фабулы как совокупности связных мотивировок и сюжета – совокупности связных мотивировок и мотивировок свободных.

Независимо от Томашевского принцип тематического понимания мотива связывается с теорией актуального членения высказывания на темы и ремы. Знаменитые «лекции» Р. Барта в работе «S / Z» резко продвинули нарратологическую теорию, сблизив ее с дискурсным анализом. Продолжая данную традицию, было бы любопытно рассматривать сюжеты как древовидные формы с единицами разных масштабов, выявляя по мере их измельчения индивидуальные дискурсивные свойства текста.

В свою очередь, такой подход позволяет в перспективе создать теоретический конструкт, конкретизирующий взаимосвязь нарратива и дискурса, который в общем виде был указан Ж. Женеттом: «В качестве нарратива повествование существует благодаря связи с историей, которая в нем излагается; в качестве дискурса оно существует благодаря связи с нарративом, которая его порождает» [2, с. 66].

Следует также иметь в виду важное для нарратологии наблюдение В. И. Тюпы, согласно которому «нарративный дискурс представляет собой обширный и разнородный по жанровому составу класс двоякособытийных коммуникативных практик, связывающих в нераздельное единство высказывания два качественно разнородных события – референтное и коммуникативное» [3, с. 29]. Выявление дефиниций и дифференциаций каждого типа событий открывает большие возможности для нарратологии и дискурсного анализа.

Иной подход к нарратологии был представлен также в 1920-е гг. В. Я. Проппом, который описал сюжет волшебной сказки как набор функций действующего лица, «которыми могут быть заменены “мотивы” Веселовского или “элементы” Бедье... Под функцией понимается поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [4, с. 29–31]. Как известно, сам Пропп весьма скептически относился к возможности распространить выводы, сделанные на материале волшебной сказки, на другие жанры.

По-видимому, не до конца порвавшего с натуралистическими представлениями В. Я. Проппу трудно было отрешиться от мысли о тождестве персонажа с конкретным действующим лицом (героем). Однако уже в начале 1970-х гг. Ю. М. Лотман предложил рассматривать персонаж как набор функций, частично противоречащих друг другу, когда одно и то же действующее лицо могло выступать и как вредитель и как даритель (например, Свидригайлов из «Преступления и наказания»).

По нашему мнению, прав французский семиолог К. Бремон, указавший на то, что «с неизбежностью возникает вопрос о возможности переноса метода Проппа на иные корпусы сказочных текстов и, далее, на иные нарративные жанры» [5, с. 431].

Вместе с тем следует признать, что обращение к художественным текстам авангарда и поставангарда, где границы акторального и аукторального повествования резко и часто немотивированно сдвигаются, создают определенные аналитические сложности, требующие уточнения и углубления существующей нарративной теории.

Таким образом, в целом нарратив выступает одной из фундаментальных поэтологических основ литературного текста, особенно в эпическом произведении.

Важным представляется изучение прикладных вопросов нарратологии, и одним из самых актуальных здесь является вопрос о соотношении литературного и исторического нарратива. Исследование линий нарративного взаимодействия литературы и истории может быть существенно обогащено в следующих аспектах.

Первый – и самый важный – аспект предполагает сравнительное изучение коммуникативных стратегий текстов, что прежде всего выражается в различных принципах интерпретации факта и ментального конструирования события. Исторический текст в своем нарративном развитии движется от факта к событию, тогда как в сюжетном нарративе литературного текста событие строится на основе мотива. Вместе с тем возможны системные инверсии, и тогда исторический текст наполняется вымышленными событиями и образами, опирающимися на идеологически значимые мотивы.

Второй аспект затрагивает ключевую позицию субъектов дискурса – в нашем случае дискурса литературного и исторического. Какова смысловая и интенциональная структура самой инстанции автора литературного и исторического текста? Что в себе видит, что позиционирует, какие ключевые смыслы транслирует соответственно автор литературный и автор исторический? Кто – в смысловом и интенциональном плане – видится автору реципиентом литературного и исторического текста? Каковы временные и эпохальные типы литературного и исторического автора, как они меняются в большом времени культуры? Эти и другие принципиальные вопросы составляют актуальную проблематику данного раздела.

Третий аспект касается жанрово-тематической и повествовательной специфики литературы и истории. Одной из фундаментальных поэтологических основ литературного текста выступает нарратив, или собственно повествование, но нарратив является ключевым конструктивным моментом и для исторического текста. Проблема заключается в изучении общих свойств и особенных признаков литературного и исторического нарратива, в исследовании поэтологических и риторических измерений нарратива в литературе и истории, в определении типов повествования в литературе и истории, в уяснении связей типов повествования с собственно жанровым началом в литературе и истории.

Список литературы

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
2. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. М., 1998. Т. 2.
3. Тюпа В. И. Дискурс / Жанр. М., 2013.

Сюжет и методы его описания

4. *Пропт В. Я.* Морфология сказки. Л., 1928.

5. *Бремон К.* Структурное изучение повествовательных текстов // Семиотика. М., 1983.

Yu. V. Shatin, I. V. Silantev

Novosibirsk, Russia

THEORY AND ANALYSIS OF PLOT AS THE BASE OF NARRATOLOGY

Two related approaches to the study of literary narrative are considered – the theory of plot and the analysis of plot. The importance of these approaches to contemporary narratology is marked.

Keywords: literature, narrative, theory of plot, analysis of plot, narratology.

Shatin Yury V. – doctor of philology, professor, main researcher of Literary Studies Section of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolayeva Str., Novosibirsk 630090; shatin08@rambler.ru; +7 (383) 330 47 72)

Silantev Igor V. – doctor of philology, professor, director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolayeva Str., Novosibirsk 630090; silantev@philology.nsc.ru; +7 (383) 330 47 72)